

II. МАСКА В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

А. В. Васильев

МАСКИ ПРЕДКОВ (*IMAGINES MAIORUM*) В ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ РИМЛЯН В ПЕРИОД РЕСПУБЛИКИ И РАННЕЙ ИМПЕРИИ*

Маска как атрибут религиозного или магического ритуала, несомненно, древнее театральной маски. Тем не менее, о масках, использовавшихся в тех или иных обрядах древних греков и римлян, нам известно гораздо меньше, чем о масках в античном театре. Вместе с тем, то или иное культовое действие древних нередко сопровождалось игровым элементом, придававшим ему определенную театральность. Одновременно происхождение греческого театра определенно связывается в традиции с культом Диониса. Таким образом, поскольку использование маски в религии и театре в ходе исторического развития античного общества постоянно находило точки соприкосновения, то, рассматривая историю маски как атрибута театрального действия, невозможно обойти стороной аналогичные формы визуализации в религиозной сфере жизни древних греков и римлян.

В римском аристократическом ритуале погребения и поминовения умерших существовал особый обычай использования восковых изображений предков (*imagines maiorum*), как во время самих похорон, так и в их дальнейшем домашнем почитании (см. илл. 50, 52). Эти изображения играли важную роль в репрезентации статуса знатного человека в Риме в эпоху классической республики, что определялось тенденцией к превращению любого значимого для общественной жизни обряда или ритуала в своего рода представление, в котором роли зрителей и актеров нередко переплетались. Однако и с падением республиканского строя и установлением принципата данный аристократический обычай продолжил свое существование, хотя постепенно стал, главным образом, монопольной привилегией принцепса и его семьи.

В данном очерке мы попытаемся проследить происхождение этой традиции, основные этапы ее исторического развития, и, главным образом, значение в общественной жизни римлян в тот период, от которого сохранился основной корпус свидетельств, связанных с масками предков. Основным источником информации для исследования служат упоминания античных авторов, которые позволяют в общих чертах охарактеризовать сферу применения масок предков в период республики и ранней империи. Вместе с тем на основании только письменных источников невозможно полностью реконструировать историю этого ритуального атрибута. Поэтому в дополнение к этому будут привлекаться некоторые археологические памятники, которые можно соотнести с

---

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 13–31–01013–а1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

описаниями античных авторов и которые дают возможность представить, как могли выглядеть римские изображения предков.

В историографии Нового времени погребальным маскам, в том числе римским маскам предков, посвящен ряд специальных отечественных и зарубежных работ¹. Тем не менее, многие вопросы, связанные с этой темой, по-прежнему остаются дискуссионными и мало изученными. Это во многом связано с фрагментарным характером источников: в нашем распоряжении всего два сравнительно подробных письменных свидетельства об *imagines maiorum* (остальные и вовсе отрывочны), первое из которых относится ко II в. до н.э. (Polyb., VI, 53), а второе уже к императорскому времени (Plin. NH, XXXV, 2, 6). Что касается археологических находок, то среди ученых нет единого мнения относительно материальных подтверждений существования тех масок предков, которые описываются Полибием и Плинием².

Для начала обратимся к уже упомянутым письменным свидетельствам и проанализируем, какую информацию об *imagines* мы можем из них извлечь. Полибий в VI книге своей «Всеобщей истории», завершив обзор римского государственного устройства и его сравнение со строем других известных в то время государств, делает небольшое отступление, целью которого является разъяснить читателю, каким образом римлянам удастся «вести войны с неослабным рвением до конца, пока не одолеют врага». Согласно Полибию, боевое рвение в юношах поддерживалось с помощью различных действий, в том числе торжественного погребального шествия при похоронах знатных граждан, во время которого тело покойного выставлялось на ложе, а кто-либо из его родственников произносил речь о заслугах усопшего и совершенных им при жизни подвигах (Polyb., VI, 53, 1–3). Далее Полибий пишет: «После того, как возданы погребальные почести и совершенно установленное обычаем, изображение умершего они ставят на видное место в доме, облакая его в маленький деревянный храм. Изображение это — есть маска, сделанная с особенным сходством и по форме, и по чертам (лица покойного — А. В.)»³.

Плиний Старший в «Естественной истории», порицая расточительность современной ему римской знати, говорит о том, что в атриумах предков нельзя было увидеть подобной роскоши. Вместо бронзовых и мраморных статуй «в отдельных шкафах там были расставлены слепленные из воска лица, то есть изображения, предназначенные для сопровождения похорон членов рода»⁴. То, что маски были сделаны из воска, подтверждается также свидетельством историка I в. до н.э. Саллюстия, который в «Югур-

¹ *Benndorf O.* Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien, 1878; *Кузнецов С. К.* Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906; *Zadoks-Josephus Jitta A. N.* Ancestral Portraiture in Rome and the Art of the Last Century of the Republic. Amsterdam, 1932; *Flower H. I.* Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford, 1996 (там же см. более подробную библиографию).

² О термине *imago* и различных видах *imagines* в Риме см.: *Lahusen G.* Statuae et Imagines // Praestant Interna. Festschrift für Ulrich Hausmann / Hrsg. von B. von Freytag gen Löhringhoff, D. Mansperger, F. Prayon. Tübingen, 1982. S. 101–109.

³ Polyb., VI, 53, 4–5: μετὰ δὲ ταῦτα θάψαντες καὶ ποιήσαντες τὰ νομιζόμενα τιθέασιν τὴν εἰκόνα τοῦ μεταλλάξαντος εἰς τὸν ἐπιφανέστατον τόπον τῆς οἰκίας, ξύλινα ναΐδια περιτιθέντες. ἢ δ' εἰκὼν ἐστὶ πρόσωπον εἰς ὁμοιότητα διαφερόντως ἐξεργασμένον καὶ κατὰ τὴν πλάσιν καὶ κατὰ τὴν ὑπογραφὴν.

⁴ Plin. NH, XXXV, 2, 6: expressi cera vultus singulis disponebantur armariis, ut essent imagines, quae comitarentur gentilicia funera.

тинской войне», рассуждая о доблести, внушаемой изображениями предков, упоминает, что «конечно, не воск и не этот образ содержит в себе такую силу»⁵.

Теперь обратим внимание на тот археологический материал, который интерпретировался как *imagines maiorum* или близкие им по типу изображения. Наиболее любопытна в этом отношении восковая маска (или вернее голова) из гробницы близ города Кум, хранящаяся в Неаполитанском музее, которая с большой реалистичностью передает черты лица безбородого мужчины, имеет вставные стеклянные глаза и даже хранит следы волос⁶ (см. илл. 52). Проблема интерпретации этой находки состоит в том, что найденная в гробнице рядом с обезглавленным скелетом она вряд ли была *imago* аристократа, а почти наверняка служила для восполнения при погребении недостающей головы казненного преступника⁷.

Имеется также серия рельефов поздне-республиканского времени⁸, которые, согласно предположению Дж. Тойнби, изображают те самые восковые или терракотовые *imagines*, хранящиеся в небольших деревянных святилищах, о которых писал Полибий⁹. Схожий материал предоставляют и каменные стелы с изображениями бюстов усопших, высеченные глубоко в нишах, напоминающих деревянные «шкафы» (*armaria*), в которых хранились изображения предков в домах аристократов. Одна из таких стел хранится в музее Кампано города Капуи и представляет собой прямоугольное углубление с пилястрами по бокам, венчаемое архитравом и фронтоном, внутри которого расположены поясные бюсты Ветулеи Вассы и ее дочери Руфы¹⁰. Наконец, некоторые алтари I в. н.э. по своему виду напоминают одиночные или двойные бюсты на постаментах, что можно интерпретировать как продолжение традиции республиканских *imagines*¹¹.

В Помпеях в одном из помещений (exedra 25) так называемого «дома Менандра» были обнаружены остатки четырех небольших бюстов, по размеру ненамного меньше человеческой головы, изготовленных из дерева. Несмотря на трудности интерпретации этой находки, по предположению изучавших ее итальянских археологов, она связана с культом предков¹².

Согласно одной точке зрения, восковые маски уже в республиканское время существовали с другими видами изображений предков, а в эпоху Империи постепенно уступили место бюстам и рельефам, сохранившим документальную точность сходства¹³ (ср. илл. 51). Одним из образцов такого раннего портрета считается относящийся

⁵ Sall. Jug., 4, 6: scilicet non ceram illam neque figuram tantam vim in sese habere.

⁶ Benndorf O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Taf. XIV, 6.

⁷ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 6 f. — О том, что в отсутствие тела покойного римляне начиная с первой четверти I в. до н.э. начали изготавливать особый род кукол, также называвшихся *imagines*, для проведения погребальной церемонии, см.: Bodel J. Death on display: Looking at Roman funerals // SHA. Vol. 56 (Symposium Papers XXXIV: The Art of Ancient Spectacle). 1999. P. 272 f.

⁸ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... Pl. 4: a, b, c.

⁹ Toynbee J. M. C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971. P. 246.

¹⁰ Vessberg O. Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik. Leipzig, 1941. S. 273. Taf. 45. Fig. 2.

¹¹ Altmann W. Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit. Berlin, 1905. S. 210–214, 216–218. Fig. 168, 170–173, 175, 177, 178.

¹² Maiuri A. La casa del Menandro e il suo Tesoro di argenteria. Roma, 1933. P. 98–106. Fig. 47–49.

¹³ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... P. 37.

к II в. до н.э. надгробный рельеф с портретом римлянина, хранящийся в музее Копенгагена (Нью-Карлсберг). Полуфигура старого римлянина в тоге изображена в нише, по нижнему краю которой вырезано имя старика. Его лысый череп, ввалившиеся щеки, втянутые губы, жилистая старческая шея переданы художником с неприятно поражающим реализмом. В этом портрете нет ни малейшего намека на стремление идеализировать, облагородить или оживить лицо¹⁴.

Однако существует и другая гипотеза, в соответствии с которой иконография всех рассмотренных типов изображений не позволяет утверждать, что мы имеем дело с *imagines maiorum*, известными из литературных источников, или с чем-то подобным. Портреты на рельефах, стелах и алтарях не являются масками, а встречающиеся среди них изображения женщин, которые совершенно точно не могли иметь почетного права на изображения предков (*ius imaginum*), свидетельствуют о том, что в данном случае речь идет о совсем ином типе памятников¹⁵.

Несмотря на убедительность подобной аргументации, невозможно отрицать наличия определенной связи между портретными бюстами и восковыми масками предков¹⁶. Возможно, что между сообщениями письменных источников и археологическим материалом нет столь явного противоречия. Неоднократно отмечалось, что мы не располагаем свидетельствами, указывающими на то, что именно маски, снятые с лица умершего, служили в качестве изображений предков и с гордостью выставлялись дома или участвовали в погребальных шествиях¹⁷. В то же время традиция использования маски актером, изображавшим покойного во время похорон, засвидетельствованная Диодором по отношению к погребению победителя Персея Л. Эмилия Павла в 160 г. до н.э. (Diod. Sic., XXXI, 25, 2), позволяет предполагать одновременное существование различных типов изображений, обозначавшихся одним и тем же термином.

Если предположить, что античные авторы могли понимать под *imago* (как и под *πρόσωπον*) не только восковую маску, использовавшуюся лишь во время похоронной церемонии, но и восковой, деревянный или даже каменный бюст, выставленный в особой нише, напоминавшей небольшое святилище, то данное противоречие исчезает само собой.

Среди исследователей нет единства и в том, считать ли *imagines* погребальными масками или рассматривать их как совершенно особую форму изображений, не имеющую прямой связи с погребальным ритуалом. По всей видимости, практика изготовления восковых масок происходит из обычая выставлять тело покойного (*collocatio*) дома в течение семи дней перед погребением, о чем сообщает Сервий (Serv. Aen., V, 64). Маски служили для того, чтобы прикрыть лицо, на котором довольно быстро должны были появиться следы разложения¹⁸.

Впрочем, существует и другая точка зрения, согласно которой погребальная маска служила умершему для того, чтобы благополучно перейти в загробный мир, где с ее помощью он мог обмануть встречающихся на пути демонов, то есть, скрывая лицо за

¹⁴ Воццинина А. И. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947. С. 50 сл.

¹⁵ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 7.

¹⁶ Toynbee J. M. C. Death and Burial... P. 248.

¹⁷ Toynbee J. M. C. Death and Burial... P. 47; Gruen E. S. Culture and National Identity. New York, 1992. P. 155.

¹⁸ Meyer H. Imagines Maiorum // RE. Bd. IX. Hbbd. 17. Stuttgart, 1914. Sp. 1097.

маской ужасающего вида, мог сам внушать им страх и таким образом без помехи продвигаться вперед¹⁹.

Однако римские маски предков, насколько нам известно, имели совсем иные функции: с одной стороны, они хранились дома и выставлялись во время общенародных жертвоприношений, а с другой — использовались в погребальном шествии для создания иллюзии присутствия прославившихся предков на похоронах члена их рода (Polyb., VI, 53, 6). В обоих случаях речь идет скорее о социальном, чем о ритуальном предназначении. Исходя из этого, римские маски предков вряд ли имели какую-либо связь с миром духов, а их предназначение было исключительно светским и, главным образом, политическим²⁰.

Впрочем, в современной историографии есть и другая точка зрения, согласно которой восковые *imagines* имели не только важное религиозное значение, но и магическую символику. Во-первых, они участвовали во всех церемониях, связанных с почитанием духов умерших (Манов и Парентов), и олицетворяли эти божества во время жертвоприношений. С другой стороны, актеры, которые надевали маски предков во время ритуала погребения, буквально становились для окружающих теми, кого они изображали, и в этом смысле *imagines* имели вполне конкретную магическую функцию²¹. По-видимому, маски предков все же были тесно связаны с погребальным ритуалом, и их первоначальные религиозные и магические функции не стоит отрицать. Однако в эпоху классической республики общественно-политическое значение *imagines*, как нам представляется, вышло на первый план.

Для того чтобы лучше понять смысл традиций, связанных с изображениями предков, необходимо попытаться проследить их происхождение. Плиний Старший сообщает, что искусство снимать восковые маски с человеческого лица, используя гипсовые формы, открыл Лисистрат Сикионский, брат великого греческого скульптора IV в. до н.э. Лисиппа (Plin. NH, XXXV, 44, 153). Тем не менее, искусство скульптурной лепки из глины появилось в Италии гораздо раньше (VII в. до н.э.) вместе с прибытием из Коринфа в Этрурию Демарата (отца римского царя Тарквиния Гордого), которого сопровождали лепщики Эвхир, Диоп и Эвграм (Plin. NH, XXXV, 43, 152). Косвенным подтверждением этого свидетельства Плиния служит раскопанный недалеко от Сиены так называемый дворец Мурло (середина VII — начало VI в. до н.э.), в котором были обнаружены терракотовые изображения людей, украшавшие стропила крыши, наряду с изображениями некоторых мифических существ (грифонов и горгон)²².

Известно, что у этрусков был сложный погребальный ритуал. Обилие погребальной утвари было обнаружено во всех этруских склепах городских некрополей. Об этруских погребальных масках можно судить в частности по бронзовой маске, храня-

¹⁹ Кузнецов С. К. Погребальные маски... С. 4.

²⁰ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 2.

²¹ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome: Memory, Religion, Class Struggle, and the Wax Ancestral Mask Tradition's Origin and Influence on Veristic Portraiture // *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. OIS. № 3. Chicago, 2007. P. 243 ff.

²² Torelli M. Archaic Rome between Latium and Etruria // *САН*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 40.

щейся в музее Грегориано²³. Реалистично выполненные портреты на этрусских погребальных урнах свидетельствуют о высоком уровне мастерства этрусков в этом деле. Этрусские вазы-канопы (в частности, из Клузия) считаются некоторыми исследователями одной из ранних форм изображений предков, позднее заимствованных римлянами²⁴. Свидетельством того, что этруски использовали маски в период выставления тела покойного, может являться саркофаг в музее Кампано, на крышке которого высечено изображение молодой женщины, лицо которой обведено глубокой чертой, как бы ограничивающей края покрывающей его маски²⁵. Исходя из этого, некоторые исследователи делали вывод об этрусском происхождении традиции изготовления и использования в погребальном ритуале разных типов изображений предков (в том числе и масок)²⁶.

С другой стороны, было отмечено, что традиция скульптурного портрета умерших, связанная с заупокойным культом, была характерна не только для представительниц этрусской знати, но была распространена и среди широкой массы населения Этрурии²⁷. Кроме того, различные формы почитания предков, связанные с портретным искусством, прослеживаются и у других италийских и средиземноморских народов. Появление же собственно посмертных гипсовых слепков и восковых масок в таком случае относится ко времени не ранее середины II в. до н.э., когда изображения предков потеряли свой магический характер²⁸.

Общность римского и этрусского аристократического этоса прослеживается в практике сохранения памяти о знаменитых предках в форме надгробных надписей (элогиев), в которых перечислялись выдающиеся заслуги покойного. Открытие элогия Тарквиниев, датируемого началом I в. н.э., доказало, что в эпоху Августа этрусские аристократические семьи сохраняли историческую память о своих далеких предках²⁹. Традиция записи на камне элогиев видных представителей знатных родов в Риме известна с начала III в. до н.э. Наиболее ранний из дошедших до нас элогиев, как известно, относится к консулу 298 г. до н.э. Л. Корнелию Сципиону Барбату (CIL I2, 2, 7 = ILS 1). Впрочем, вряд ли дошедшие до нас элогии были первыми в этом роде, поскольку записи о деяниях знаменитых своими подвигами, заслугами перед народом и добродетелями римлян, несомненно, составлялись издревле и хранились в семейных архивах³⁰.

Вместе с тем существует версия и о греческом влиянии, как одном из главных катализаторов появления римских изображений предков в форме восковых масок. Известно, что с V в. до н.э. в Риме появляются греческие художники, первыми из кото-

²³ Dennis G. Die Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Darmstadt, 1973. Taf. IX, 100.

²⁴ Kaschnitz-Weinberg G. Studien zur etruskischen und frühromischen Porträtkunst // MDAI(R). Bd. 41. 1926. S. 192.

²⁵ Кузнецов С. К. Погребальные маски... С. 18.

²⁶ Drerup H. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // MDAI(R). Bd. 87. 1980. S. 120; Kaschnitz-Weinberg G. Studien zur etruskischen... S. 192; Кузнецов С. К. Погребальные маски... С. 33. Подробная дискуссия и вывод общности этой традиции для всей Средней Италии см.: Flower H. I. Ancestor Masks... P. 339–350.

²⁷ Воцинина А. И. Очерк истории древнеримского искусства. С. 26.

²⁸ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... P. 11–21, 36.

²⁹ Momigliano A. The Origins of Rome // САН. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 89.

³⁰ Штаерман Е. М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Т. I. М., 1985. С. 26.

рых Плиний (ссылаясь при этом на Варрона) называет Дамофила и Горгаса, украсивших храм богини Цереры у Большого цирка в 493 г. до н.э. (Plin. NH, XXXV, 154). Упомянутое свидетельство Плиния о Лисистрате и его изобретении посмертных масок для создания скульптурного портрета рассматривается при этом как важнейшая новация, позволившая создавать восковые *imagines* в Риме³¹.

На наш взгляд, говоря о различных культурных влияниях в связи с происхождением практики изготовления *imagines* в Риме, нельзя забывать о том, что право выставлять дома изображения предков (*ius imaginum*) являло собой одну из древнейших привилегий римской знати. Главным письменным свидетельством об этом праве является краткое упоминание Цицероном (среди прочих предоставляемых эдилу привилегий) «права передать по наследству изображение на память потомству»³². На основании этого Т. Моммзен сделал вывод, что, достигая первой курульной должности, римлянин получал титул *nobilis*, а вместе с тем право на то, чтобы его восковая маска демонстрировалась после смерти. Таким образом, *ius imaginum* признавалось важнейшим статусным отличием римского нобилитета³³.

С другой стороны, было высказано предположение, что свидетельство Цицерона не имеет никакого отношения к маскам предков, а относится к портретным скульптурным изображениям курульных магистратов, которые могли демонстрироваться публично. Так называемое *ius imaginum*, словосочетание в данной форме в античной литературе вовсе не встречающееся, является не более чем конструкцией ученых Нового времени³⁴. Согласно более взвешенной позиции в данной дискуссии, *ius imaginum* относилось лишь к праву человека, занимавшего курульную должность, иметь свое изображение, а его родственников — демонстрировать это изображение на его похоронах. Если это право существовало, то не было закреплено законом, но, скорее всего, было лишь обычаем³⁵.

Предполагается, что до 367 г. до н.э. лишь патриции обладали правом хранить и выставлять изображения своих предков³⁶. Впоследствии это право получили также плебеи, но определенное различие между патрицианскими и плебейскими родами сохранялось (Cic. Fam., IX, 21). Некоторые исследователи предположили возможную взаимосвязь между появлением новой патрицианско-плебейской знати (*nobilitas*) во второй половине IV в. до н.э. и возникновением традиции создания и публичной демонстрации *imagines maiorum*³⁷. Недавно одним из исследователей был убедительно обоснован тезис о том, что использование восковых масок предков началось со второй половины IV в. до н.э. и стало ответом патрициата на потерю в борьбе с плебсом монополии на другие аристократические отличия (право на курульные должности, право на триумф и др.)³⁸.

³¹ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 249.

³² Cic. Verr., V, 36: *ius imaginis ad memoriam posteritatemque prodendae*; ср.: Cic. Pro Rab. Post., 7, 16; Cic. De leg. agr., II, 1–2.

³³ Mommsen Th. Römische Staatsrecht. 3. Aufl. Leipzig, 1887. Bd. I. S. 442–447.

³⁴ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... P. 32, 97–110; Hopkins K. Death and Renewal. Cambridge, 1983. P. 255 f.

³⁵ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 53 f.

³⁶ Meyer H. Imagines Maiorum. Sp. 1099.

³⁷ Hölkeskamp K.–J. Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas // Historia. Bd. 42. 1993. P. 29; Flower H. I. Ancestor Masks... P. 339–351.

³⁸ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 247 f.

Есть основания полагать, что традиция почитания изображений знатных предков, пусть и не в форме восковых масок, древнее второй половины IV в. до н.э. Как свидетельствует Плиний, в 495 г. до н.э. консул Аппий Клавдий первым посвятил щиты с изображениями своих предков (*imagines clipeatae*) в храм Беллоны, пожелав чтобы они были помещены на возвышенном месте и видны согражданам³⁹.

Впрочем, свидетельство Плиния противоречиво, так как упомянутый храм Беллоны был построен Аппием Клавдием Цеком после 296 г. до н.э., когда он был консулом во второй раз. На этом основании оказалось практически общепризнанным, что в рукописи допущена ошибка и речь в этом свидетельстве идет именно об этом консуле⁴⁰. Однако коллегой Аппия Клавдия Цека по консульству 296 г. до н.э. был Луций Волумний, в то время как Плинием упоминается Публий Сервилий. По другой версии, выдвинутой еще в XIX в. и принятой большинством современных исследователей, Плиний пишет о консуле 79 г. до н.э. Аппии Клавдии Пульхре, коллегой которого был Публий Сервилий Исаурийский, тем более что сразу после этого говорится о посвящении таких же щитов консулом Марком Эмилием в 78 г. до н.э., что позволяет предположить более логичную хронологическую последовательность двух посвящений⁴¹. В таком случае имена консулов совпадают, но указанный в рукописях год не соответствует году их консульства.

Вслед за свидетельством о римских изображениях на щитах Плиний сообщает свою версию происхождения этого названия от названия щитов времен Троянской войны (Plin. NH, XXXV, 4, 13). Кроме того, он указывает на пунийские щиты с изображениями, сообщая, что «в захваченном у них лагере такой щит Гасдрубала нашел Марций, мститель за Сципионов в Испании, и этот щит был над дверями Капитолийского храма вплоть до первого пожара»⁴². Кроме того, посвящение вражеских доспехов в храм засвидетельствовано уже в начале III в. до н.э. (Liv., X, 26, 8). *Clipei virtutis*, на которых фигурирует имя похороненного также, как и его элогий, фигурируют в одной из комнат «Гробницы щитов» в Тарквиниях, относящейся к середине IV в. до н.э., и могут быть соотнесены с *imagines clipeatae* Аппия Клавдия⁴³.

Исходя из этого, представляется маловероятным, чтобы традиция посвящать щиты с изображениями предков в храм появилась в Риме лишь в конце II — начале I в. до н.э. По-видимому, она намного древнее. Как указывает французский исследователь М. Хюмм, вполне вероятно, что такие щиты издревле могли храниться в своеобразном

³⁹ Plin. NH, XXXV, 3, 12: Verum clupeos in sacro vel publico dicare privatim primus instituit, ut reperio, Appius Claudius [qui consul cum P. Servilio fuit anno urbis CCLVIII]. posuit enim in Bellonae aede maiores suos, placuitque in excelso spectari in titulos honorum legi.

⁴⁰ Mommsen Th. Römische Forschungen. Bd. I. Berlin, 1864. S. 310; Meyer H. Imagines Maiorum. Sp. 1099; Gross W. H. *Clipeata imago* und εἰκὼν ἑνοπλιος // Festschrift für Konrat Ziegler zum 70. Geburtstag: Convivium — Beiträge zur Altertumswissenschaft. Stuttgart, 1954. S. 66–84.

⁴¹ Stark H. Über die Ahnenbilder des Appius Claudius im Tempel der Bellona // Verhandlungen der 31. Philologenversammlung im Tübingen. 1876. S. 38–50; Wiseman T. P. Clío's cosmetics: Three studies in Greco-Roman literature. Leicester, 1979; Hölkeskamp K.–J. Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der römischen Republik im 4. Jhd. v. Chr. Stuttgart, 1987. S. 224. Anm. 187; Flower H. I. Ancestor Masks... P. 75–77.

⁴² Plin. NH, XXXV, 4, 14: in castris certe captis talem Hasdrubalis invenit Marcius, Scipionum in Hispania ultor, isque clupeus supra fores Capitolinae aedis usque ad incendium primum fuit.

⁴³ Massa-Pairault F.–H. Iconologia e politica nell'Italia antica: Roma, Lazio, Etruria dal VII al I Secolo a. C. Milano, 1992. P. 108–112.

«частном архиве» рода Клавдиев, а щит с изображением Аппия Клавдия Цека действительно мог быть посвящен в храм Беллоны в I в. до н.э., что не означает столь позднего характера самой традиции⁴⁴.

Добавим, что хронологическое указание на V в. до н.э. как на время появления подобных изображений, вовсе не выглядит неправдоподобным. Согласно свидетельству Полибия, когда во время похорон актеры надевали маски, изображая предков покойного, то его родственники произносили хвалебные речи (*laudationes funebres*) не только в честь самого покойного, но и его предков (Polyb., VI, 53, 9). По словам Плутарха, первая подобная речь была произнесена Попликолой над телом Брута (Plut. Popl., 9, 7)⁴⁵. Даже если отвергнуть это сообщение как недостоверное, первой засвидетельствованной речью, произнесенной в похвалу умершего, оказывается речь консула М. Фабия Вибулана над прахом своего товарища Гн. Манлия Цинцината и родственника Кв. Фабия в 480 г. до н.э.⁴⁶ Во всяком случае, традиция подобных речей, очевидно, восходит к очень древним временам, как, несомненно, и практика почитания в той или иной форме изображений предков, древние прототипы которых не обязательно должны совпадать с тем, что видел и описывал во II в. до н.э. Полибий.

Наличие этрусского или греческого влияния никоим образом не подразумевает заимствование этого установления, поскольку аналогичных форм почитания предков у греков или этрусков не обнаружено. Что действительно могло быть заимствовано, так это различные техники изготовления *imagines*: от предполагаемых терракотовых изображений предков (наподобие тех, что были найдены во дворце Мурло), которые могли употребляться в Риме еще в V в. до н.э., до восковых посмертных масок, которые, по-видимому, действительно начали изготавливаться со второй половины IV в. до н.э. при помощи упомянутого выше изобретения Лисистрата.

Теперь попробуем ответить на вопрос: в чем же состояло социальное и политическое значение *imagines maiorum* для римской аристократии? Для того чтобы прояснить это, необходимо проанализировать использование масок предков в торжественной погребальной процессии (*pompa funebris*).

Римский погребальный ритуал достаточно подробно изучен в современной историографии⁴⁷. Известно, что до погребения тело покойного у римлян подвергалось серии ритуальных действий, которые поручались профессиональным сотрудникам похоронных бюро (*libitinarii*) и их помощникам (*pollinctores* — Sen. De Benef., VI, 38; Mart. Epigr., X, 97, 3)⁴⁸. Задачей поллинктора было натереть тело благовонными мазями, обвить его в полотно и вообще приготовить к парадной выставке (Plin. NH, XXIV, 17; Lactant. Div. inst., II, 14, 9). Высказывалось предположение, что именно поллинктор снимал с лица покойного гипсовую форму для маски, в которой он отливал потом настоящую восковую маску, может быть, обсыпав предварительно форму мукой (слово *pollinctor* производят обычно от латинского *pollen* — «мука»)⁴⁹.

⁴⁴ Humm M. Appius Claudius Caecus: La République accomplie. Rome, 2005. P. 52.

⁴⁵ Ср.: Dion. Hall., V, 17, 2–3.

⁴⁶ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта. СПб., 2002. С. 227.

⁴⁷ См. например: Bodel J. Death on Display... P. 259–280; Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима... С. 221–235.

⁴⁸ Toynbee J. M. C. Death and Burial... P. 45.

⁴⁹ Кузнецов С. К. Погребальные маски... С. 34.

Затем умершего одевали соответственно его званию: римского гражданина — в белую тогу, магистрата — в претексту или в то парадное облачение, на которое он имел право (консула или претора — в тогу с пурпурной каймой, цензора — в пурпурную, триумфатора — в шитую золотом (Polyb., VI, 53, 7)). Голову умершего украшали венками, полученными им при жизни за военные подвиги или победу на состязаниях (Cic. Pro Mur., 40, 88)⁵⁰.

Наиболее именитые граждане имели право на торжественные похороны (*funus indictivum*), на которые жители Рима созывались глашатаем заранее (Varr. De Ling. Lat., V, 160; VII, 42). Такие похороны нередко напоминали триумфальное шествие (Sen. Cons. ad Marc., 3, 1), проходя практически тем же маршрутом и останавливаясь на Форуме около Ростра⁵¹. К.-И. Хёлкескамп пишет, что Форум использовался при этом как центр гражданской жизни республики, а Ростры как наиболее заметное место на Форуме для публичного появления⁵².

Обе церемонии относятся к проявлениям римской идеологии славы, обращенной к массовой аудитории⁵³. Связь между триумфальным шествием и торжественной погребальной процессией прослеживается и в другом: актер, надевавший восковую маску и проезжавший на колеснице (Polyb., VI, 53, 8), мог напрямую напоминать триумфатора, чье лицо во время триумфа покрывалось красной краской в подражание Юпитеру Всеблагому Величайшему⁵⁴.

Торжественная церемония погребения происходила, конечно, днем, в самое оживленное время (Hor. Sat., I, 6, 42–44), с расчетом на то, чтобы блеснуть пышностью похорон⁵⁵. При этом римляне издревле законодательно ограничивали расходы на частные похороны и, в особенности, на показательные приготовления для кортежа, который должен был доставить покойного к месту погребения⁵⁶. Уже Законы XII таблиц содержали следующие ограничения: запрещалось пользоваться для костра обтесанными поленьями, нанимать больше десяти флейтистов и бросать в костер больше трех траурных накидок, которые носили женщины, и одной короткой пурпурной туники (Cic. De Leg., II, 23, 59). Для представителей римской элиты погребальная процессия предоставляла неоценимую возможность продемонстрировать свой политический капитал: популярность покойного и собственной семьи⁵⁷.

Для римского менталитета особое значение имело сохранение памяти о покойном. Ряд свидетельств античных авторов (Cic. Att., II, 15, 1; Sen. Suas., VI, 5) предполагает, что торжественные похороны служили не только для того, чтобы справить необходимый ритуал погребения покойного, но и с целью обессмертить всех его знаменитых

⁵⁰ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима... С. 222. Прим. 6.

⁵¹ Связь между ритуалом триумфа и погребального шествия подчеркивали многие исследователи, см.: Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum // JSAH. Vol. 69. № 1. 2010. P. 16; Bodel J. Death on Display... P. 261; Rüpke J. Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic // Numen. Vol. 53. Fasc. 3. 2006. P. 251–289.

⁵² Hölkeskamp K.-J. The Roman republic as theatre of power: the consuls as leading actors // Consuls and res publica; high office holding in the Roman Republic / Ed. by H. Beck, A. Duplá et al. Cambridge, 2011. P. 164.

⁵³ Смирин В. М. Римская республика III–II вв. до н.э. // История Европы. Т. I. М., 1988. С. 488.

⁵⁴ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 250 f.

⁵⁵ Сергеев М. Е. Жизнь Древнего Рима... С. 224.

⁵⁶ Toynbee J. M. C. Death and Burial... P. 45.

⁵⁷ Favro D., Johanson Ch. Death in Motion... P. 12, 16.

предков с помощью их восковых масок его предков (*imagines maiorum*) и хвалебных речей (*laudationes*), упоминавших об их свершениях⁵⁸. В подтверждение значения масок предков именно при погребении можно привести свидетельство Ливия о завещании М. Эмилия Лепида в 152 г. до н.э.: «Похоронить его на носилках без полотна и без пурпура, чтобы похороны обошлись не дороже десяти ассов», и далее: «Украшением похорон великих мужей была не роскошь, а изображения знатных предков»⁵⁹.

С другой стороны, античные авторы считали более важной иную функцию торжественных похоронных процессий: поощрение доблести в юности (Polyb., VI, 54, 3; Sall. Jug., 4, 5). Особая роль доблести (*virtus*) в римской ценностной шкале не подделжит сомнению. В каком-то смысле доблесть для римлян была синонимом добродетели вообще. Наградой за доблесть был почет (*honor*), выражавшийся в избрании на почетные должности⁶⁰. Именно перечень должностей, которые занимали предки (*cursus honorum*), и становился сильнейшим стимулом к самореализации потомков.

Одновременно с этим внушительный список прославленных предков позволял даже бесславному юноше рассчитывать на успех в предвыборной кампании. Цицерон в одной из своих речей обвинял консула 58 г. до н.э. Л. Кальпурния Пизона: «ты прокрался на почетные должности обманом людей, с помощью рекомендации задымленных изображений, с которыми ты не имеешь ничего общего, кроме цвета»⁶¹. Похожую сентенцию о римском народе, который «титлам и образам предков всегда без разбора дивится»⁶², мы встречаем у Горация.

«Новый человек» (*homo novus*) в римской политике мог встретить серьезные препятствия при выборах на ту или иную должность, так как он не мог похвастаться наличием предков, уже послуживших государству. Поэтому некоторые из римлян специально устанавливали в своих домах *imagines* родственных семейств или, наоборот, испытывали стыд перед масками тех предков, которые не соответствовали достоинству рода (Plin. NH, XXXV, 8)⁶³.

Яркий пример политического применения масок предков дает нам род Корнелиев, который, в отличие от многих других аристократических родов, хоронил, а не сжигал умерших сородичей в своем семейном склепе на Аппиевой дороге в течение III–II вв. до н.э.⁶⁴ В источниках сообщается о том, что изображение (*imago*) Сципиона Африканского после его смерти было помещено в Капитолийский храм Юпитера, откуда всякий раз, когда происходили похороны очередного представителя рода Корнелиев, его доставали для использования в погребальной церемонии (Val. Max., VIII, 15, 1; App. Iber., 23). Характерно в этой связи замечание Валерия Максима о том, что «для

⁵⁸ Pina Polo F. Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History // *Formae Mortis: El Tránsito De La Vida e La Muerte en Las Sociedades Antiguas. Colección Instrumenta 30*. Barcelona, 2009. P. 90.

⁵⁹ Liv. Per., 48: *filiis lecto se strato linteis sine purpura efferrent, in reliquum funus ne plus quam aeris decies consumerent: imaginum specie, non sumptibus nobilitari magnorum uirorum funera solere* (пер. М. Л. Гаспарова).

⁶⁰ Штаерман Е. М. От гражданина к подданному. С. 25 сл.

⁶¹ Cic. In Pis., I, 1: *obrepisti ad honores errore hominum, commendatione fumosarum imaginum, quarum simile habes nihil praeter colorem*.

⁶² Hor. Sat., I, 6, 17: *qui stupet in titulis et imaginibus* (пер. М. Дмитриева).

⁶³ Gruen E. S. Culture and National Identity... P. 154.

⁶⁴ О семейном склепе Корнелиев см.: Toynebee J. M. C. Death and Burial... P. 39 f.

него одного Капитолий был наподобие атрия»⁶⁵, в связи с чем вспоминается особое отношение Сципиона к этому храму, где он часто проводил долгие часы еще при жизни (Liv., XXVI, 19, 3–9; Gell. NA, VI, 1).

Таким образом, во время торжественного погребального шествия Корнелии добавляли к обычному маршруту кортежа от дома покойного через Форум и Ростры к месту погребения посещение Капитолийского холма. Современные исследователи предполагают, что подобное новшество имело вполне прагматическую цель: увеличить протяженность маршрута процессии, который без этого был весьма коротким (дом Сципиона Африканского находился поблизости от римского Форума)⁶⁶. Кроме того, спускаясь с Капитолия на Форум, процессия должна была идти в обратную сторону маршрутом триумфаторов, проходя мимо установленной Сципионами в 190 г. до н.э. арки, украшенной, по предположению некоторых ученых, статуями знаменитых предков победителя Ганнибала (Liv., XXXVII, 3, 7)⁶⁷.

Так или иначе, использование изображения знаменитого победителя Ганнибала при похоронах очередного представителя рода Корнелиев позволяло им все время воскрешать в коллективной памяти римлян его неоценимые заслуги перед отечеством и этим увеличивать свой собственный политический вес. В свете судебных процессов 80-х гг. II в. до н.э. против Сципионов⁶⁸, а также вынужденного ухода их лидера от политической деятельности, отъезда из Рима и последовавшей смерти и погребения в Литерне, представляется вполне логичной подобная попытка «посмертного возвращения» Сципиона в Рим и «примирения» его с согражданами.

Патрицианские роды с долгой историей, подобные роду Корнелиев, могли не только пользоваться преимуществами наличия знаменитых предков и демонстрации изображений, но и заказывать маски легендарных родоначальников, к которым они себя возводили. Лица подобных масок могли быть обобщенными и сохранять лишь определенные фамильные физиогномические черты⁶⁹. Из античных источников известно, по крайней мере, о существовании в доме Юниев маски одного из первых консулов республики Л. Юния Брута (Cic. Phil., II, 26).

Веллей Патеркул передает красноречивое свидетельство о похоронах Кв. Цецилия Метелла Македонского (115 г. до н.э.), оставившего после себя четверых сыновей, трое из которых стали консулами еще при жизни отца, а еще один был кандидатом в консулы, уже вступившим в свои права (Vell., I, 11, 7)⁷⁰. Как сообщает Веллей Патеркул, именно сыновья Метелла поставили его погребальное ложе перед рострами (Vell., I, 11, 6). Этим они как бы закрепляли политическую преемственность своей семьи в жизни республики и увеличивали шансы на победу одного из них на очередных выборах⁷¹.

⁶⁵ Val. Max., VIII, 15, 1: unique illi instar atrii Capitolium est.

⁶⁶ Favro D., Johanson Ch. Death in Motion... P. 17 f.

⁶⁷ Coarelli F. Il sepolcro degli Scipioni // DArch. Vol. 6. 1972. P. 72.

⁶⁸ О судебных процессах Сципионов в современной историографии см.: Bandelli G. Il processo dell'Asiatico // Index. Vol. 4. 1974–1975. P. 93–126; Gruen E. S. The “Fall” of the Scipios // Leaders and masses in Roman world: Studies in honor of Zvi Yavetz / Ed. by I. Malkin, Z. W. Rubinsohn. Leiden, 1995. P. 59–90; Бобровникова Т. А. Судебные процессы Сципионов: Опыт исторической реконструкции // Jus antiquum. 2001. № 1. С. 66–74; Квашинин В. А. Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда, 2004. С. 65–86.

⁶⁹ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 252.

⁷⁰ Согласно Цицерону, трое сыновей были консулами, а четвертый — претором (Cic. De Fin., V, 27).

⁷¹ Pina Polo F. Eminent Corpses... P. 94.

Одним из известнейших свидетельств, которые позволяют понять подлинное место изображений предков в социально-политической жизни римской республики, является речь, которую Саллюстий вкладывает в своей «Югуртинской войне» в уста избранного в 107 г. до н.э. в консулы и не имевшего знатных предков Гая Мария (Sall. Iug., 85). В этой речи Марий отстаивает перед народом свое право на консулат и настойчиво повторяет одну и ту же мысль: «знатность порождается доблестью»⁷² и эта «новая знатность» (*nova nobilitas*) ничуть не менее славна, чем древняя, которую обеспечивают изображения предков, а не личные заслуги (Sall. Iug., 85, 10; 85, 25). Маски предков в этой речи столь прочно связаны со статусом нобилия, что у читателя не остается сомнений в настоятельной необходимости обладания этим атрибутом знатности для успешной политической карьеры в римской республике⁷³.

Таким образом, на наш взгляд, собственно политическая функция римских *imagines* была не менее важной в публичной репрезентации римской аристократии эпохи классической республики, чем их социальная или религиозно-магическая функции. Маски предков являлись в своем роде мощным инструментом политической борьбы в руках прославленных родов патрицианско-плебейского нобилитета. Благодаря *imagines*, римская знать постоянно оживляла в памяти сограждан собственные родословные, обращаясь к памяти предков не только во время погребения очередного представителя рода, но и в ходе предвыборных кампаний или словесных баталий на Форуме.

В эпоху гражданских войн маски предков приобретают дополнительный смысл. Теперь они могут превращаться в своеобразные политические символы борющихся лидеров и их группировок. Плутарх описывает один из примеров подобного рода, который вновь оказывается связанным со знаменитым Гаем Марием. На этот раз речь идет о похоронах его жены Юлии (69 г. до н.э.), во время которых тогда еще молодой политик Гай Юлий Цезарь осмелился продемонстрировать изображение Марии и, по видимому, также его сына, которых в Риме не видели со времен их осуждения Суллой как «врагов римского народа» (Plut. Caes., 5). Плутарх подчеркивает, что «народ отозвался восхищенно, подняв шум и удивляясь, как будто спустя столь долгое время он вывел почести Марии из Аида в Рим»⁷⁴. Очевидно, что действия Цезаря, какие бы мотивы не были для него решающими в этом деле, имели ярко выраженный популистский характер и, напоминая о подвигах Марии, могли спровоцировать раздражение толпы в отношении тех сулланцев, которые еще оставались на политической арене, и одновременно повысить шансы на электоральный успех самого Цезаря.

По всей вероятности, не случайно в комментарии Аскония к не дошедшей речи Цицерона в защиту Милона при описании того погрома, который банды Милона устроили после убийства Клодия в 52 г. до н.э. в доме интеррекса М. Эмилия Лепида, упоминаются сброшенные и разбитые ими маски предков (Asc. Pro Mil., 43)⁷⁵. Разумеется, во время любого погрома целью для разгневанной толпы может стать все что угодно, но специальное упоминание изображений предков у комментатора говорит о том, что их

⁷² Sall. Iug., 85, 17: *ex virtute nobilitas coepit*.

⁷³ Подробный разбор речи Марии у Саллюстия см.: Flower H. I. *Ancestor Masks...* P. 16–23.

⁷⁴ Plut. Caes., 5, 2: ὁ δῆμος ἀντήχησε λαμπρῶς, δεξάμενος κρότῳ καὶ θαυμάσας ὥσπερ ἐξ Αἴδου διὰ χρόνων πολλῶν ἀνάγοντα τὰς Μαρίου τιμὰς εἰς τὴν πόλιν.

⁷⁵ Asc. Pro Mil., 43: *Deinde omni vi ianua expugnata et imagines maiorum deiecerunt et lectulum adversum uxoris eius Corneliae, cuius castitas pro exemplo habita est, fregerunt, itemque telas, quae ex vetere more in atrio texebantur, diruerunt.*

уничтожению в во время всплесков политического насилия, сотрясавших римскую республику в I в. до н.э., могло придаваться особое значение.

В то же время, в эту эпоху основной акцент во время похорон начинает перемещаться с масок предков на изображение самого покойного. Если во II в. до н.э. во время похорон впервые появилась маска (*imago*) покойного на лице изображавшего его актера⁷⁶, то теперь в дополнение к традиционной форме воплощения покойного во время похорон могли использоваться другие виды изображений.

В связи с похоронами Суллы Плутарх сообщает, что в процессии несли изображение (εἰδωλον) диктатора, изготовленное из драгоценного ладана и корицы (Plut. Sull., 38, 3). Похороны Цезаря являют собой пример подлинно театрального действия, разыгранного Марком Антонием, и приведшего к тем политическим последствиям, к которым стремился их постановщик (App. BC, II, 143–147). При этом Аппиан описывает восковую куклу диктатора (ἀνδρείκελον αὐτοῦ Καίσαρος ἐκ κηροῦ πεποιημένον), изготовленную таким образом, что она могла вращаться, демонстрируя публике нанесенные ему заговорщиками раны (App. BC, II, 147).

Как было отмечено в исследовательской литературе, похороны Цезаря представляли собой логичное продолжение традиционных «народных погребений» лидеров популяров, во время которых нередко демонстрировалось тело покойного. Такого рода театрализованные похороны впервые появились в эпоху Гракхов (Plut. Ti. Gracch., 13) и нередко использовались лидерами оппозиции для создания определенной эмоциональной атмосферы, способной спровоцировать насилие на улицах Рима⁷⁷.

В то же время похороны Цезаря также были наследником аристократических погребальных процессий II в. до н.э. Как полагают исследователи, Аппиан, сообщая о том, что присутствовавшим казалось, будто с ними говорит сам Цезарь⁷⁸, намекает на актера, выступавшего в маске, который исполнял роль диктатора. Противоречащий этому декрет триумвиров, запрещающий демонстрацию *imago* Цезаря (Dio Cass., XLVII, 19, 2), был принят лишь в 42 г. до н.э. и не мог относиться к похоронам диктатора⁷⁹.

Таким образом, в похоронах Цезаря, ставших последней значительной погребальной церемонией Римской республики, соединилось сразу несколько разновременных традиций и типов изображений. Наряду с традиционной маской на лице изображавшего его актера, который в отличие от прежних времен приобретал активную роль действующего лица в этом своеобразном спектакле, присутствовал и новый тип «неживых» изображений, призванных продемонстрировать ту или иную социально-политическую роль покойного (в данном случае «невинной жертвы»).

В свидетельствах историков императорского времени Тацита, Светония, Диона Кассия периодически возникают упоминания о тех или иных изображениях в связи с

⁷⁶ Дж. Суми достаточно убедительно обосновал тот факт, что в приведенном выше свидетельстве Диодора (Diod. Sic., XXXI, 25, 2) речь идет именно об участии актера и использовании маски в погребальной процессии, см.: Sumi G. S. Impersonating the Dead: Mimes at Roman Funerals // AJPh. Vol. 123. № 4. 2002. P. 560–562.

⁷⁷ Bodel J. Death on Display... P. 274.

⁷⁸ App. BC, II, 146: αὐτὸς ὁ Καίσαρ ἐδόκει λέγειν, ὅσους εὖ ποιήσειε τῶν ἐχθρῶν ἐξ ὀνόματος, καὶ περὶ τῶν σφαγέων αὐτῶν ἐπέλεγεν ὥσπερ ἐν θαύματι: 'ἐμὲ δὲ καὶ τοῦσδε περισῶσαι τοὺς κτενοῦντάς με,' (во время этого плача сам Цезарь, казалось, заговорил, упоминая поименно, сколько врагов своих он облагодетельствовал и, как бы удивившись, говорил о самих убийцах: «Зачем я спас своих будущих убийц?») (пер. С. И. Ковалева).

⁷⁹ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 125, n. 159; Sumi G. S. Impersonating the Dead... P. 566 f.

похоронами принцепсов и членов их семей. Однако характер этих изображений и их соотношение с республиканскими масками предков являются предметом споров. Согласно одной точке зрения, в эпоху принципата маски предков, которые видел Полибий, исчезли и были заменены бюстами и другими видами изображений, на что указывает хотя бы тот факт, что Плиний в разбиравшемся выше пассаже (Plin. NH, XXXV, 2, 6) говорит об использовании восковых масок как о давно ушедшей традиции. Традиция изображений предков, некогда имевшая магический характер, претерпела серьезную эволюцию в ходе ее приспособления для политических целей и ко временам принципата уже изжила себя⁸⁰.

По другой версии, упоминаемые применительно ко временам ранней империи *imagines*, это все те же аристократические маски предков. Они продолжали играть важную роль в публичной репрезентации ведущих аристократических семей эпохи принципата, особенно тех, которые имели известных республиканских предков, даже несмотря на стремление императорской власти закрепить право их использования исключительно за правящим домом⁸¹.

Попробуем разобраться в этом вопросе и для этого обратимся к источникам. Первый значительный блок свидетельств об изображениях предков относится ко времени принципата Августа, который придавал особое значение похоронам своих родственников и друзей, в особенности тех, кто относился к категории потенциальных преемников принцепса. Сам Август, как известно, происходил из всаднического рода Октавиев, не слишком отмеченного выдающимися предками⁸². Однако, являясь приемным сыном Цезаря, он имел возможность использовать богатую генеалогию Юлиев.

Дион Кассий сообщает, что после смерти Агриппы в 12 г. до н.э. его тело по решению принцепса вначале было выставлено на форуме, а саму похоронную процессию Август «устроил так, как была впоследствии организована его собственная, и похоронил его [Агриппу] в собственном мавзолее, хотя сам он приобрел себе место для захоронения на Марсовом поле»⁸³. Таким образом, хотя Агриппа и не являлся родственником Августа, его похороны стали своего рода репетицией будущих похорон самого принцепса.

Это свидетельство подчеркивает то значение, которое Август придавал похоронам всех своих наследников. Агриппа не имел никаких изображений предков, которые могли быть продемонстрированы при его погребении. Однако его женитьба на дочери Августа Юлии позволяла вполне обоснованно использовать на его похоронах изображения представителей рода Юлиев. Еще до смерти Агриппы в 6-й книге Энеиды Вергилий представил парад героев Рима от легендарного Энея до самого Августа (Verg. Aen., VI, 756–892). Эта сцена может быть не случайно связана в изложении поэта со смертью Марцелла. По-видимому, поэт отразил в ней то, что он мог видеть на первых похоронах нового правящего дома в 23 г. до н.э.⁸⁴

⁸⁰ Zadoks-Josephus Jitta A. N. Ancestral Portraiture... P. 23 f.

⁸¹ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 259.

⁸² Лишь отец Августа Гай Октавий достиг должности претора и попал в сенаторское сословие (см.: Broughton T. R. S. The Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. New York, 1952. P. 595).

⁸³ Dio Cass., LVIV, 28, 5: καὶ τὴν ἐκφορὰν αὐτοῦ ἐν τῷ τρόπῳ ἐν ᾧ καὶ αὐτὸς μετὰ ταῦτα ἐξηνέχθη ἐποιήσατο, καὶ αὐτὸν καὶ ἐν τῷ ἑαυτοῦ μνημείῳ ἔθαψε, καίτοι ἴδιον ἐν τῷ Ἀρείῳ πεδίῳ λαβόντα.

⁸⁴ Flower H. I. Ancestor Masks... P. 239 f.

Вслед за похоронами Марцелла и Агриппы последовали похороны любимой сестры Августа, Октавии, в 11 г. до н.э., о которых Дион также сообщает интересные подробности. Как и в случае с Агриппой, тело было выставлено, но не на форуме, а в храме божественного Юлия. Принцепс сам произносил панегирик на ее погребении, а Друз произнес еще одну речь в память о ней (Dio Cass., LIV, 35, 4). Последнее обстоятельство свидетельствует в пользу того, что именно Друз считался в тот момент наследником Августа, поскольку именно с этого момента произнесение одной из речей при погребении членов правящего дома становится обычной прерогативой будущего принцепса.

Говоря о похоронах Германика, которые были проведены на чужбине без соблюдения положенных обычаев ритуалов, Тацит сравнивает их с похоронами его отца, Друза Старшего, в 9 г. до н.э. и утверждает, что во время той церемонии «катафалк окружали изображения Клавдиев и Юлиев»⁸⁵. Друз никогда не был включен в род Юлиев и на его похоронах не должны были использоваться их изображения. Такое решение принцепса рассматривается как проявление его особой привязанности к своему младшему пасынку⁸⁶, но, возможно, Август также хотел продемонстрировать римлянам единство двух ведущих патрицианских родов, которые отныне и навеки должны были встать у руля римского государства. Последовавшие похороны внуков принцепса Гая и Луция, вероятно, проводились в соответствии со сложившимся в императорской семье погребальным церемониалом.

Свидетельство о похоронах самого Августа, которое оставил Дион Кассий (Dio Cass., LVI, 34), позволяет ретроспективно реконструировать общий ход упомянутых выше погребений. Как сообщает греческий историк, во время похорон тело принцепса лежало в гробу на ложе из слоновой кости и золота⁸⁷, украшенном пурпурными покрывалами, вышитыми золотой нитью. При этом публике демонстрировалось восковое изображение покойного в триумфальных одеждах (εἰκὼν δὲ δῆ τις αὐτοῦ κηρίνη ἐν ἐπιτικίῳ στολῆ), которое несли с Палатина магистраты, избранные на будущий год. Другое изображение, сделанное из золота, несли из здания сената. Наконец, третье изображение принцепса везли на триумфальной колеснице. За этими портретами покойного следовали изображения всех его предков, за исключением Цезаря, поскольку он был причислен к богам, а также «несли изображения всех тех римлян, которые каким-либо образом первенствовали, начиная с самого Ромула»⁸⁸. Дион указывает, что среди них можно было видеть даже портрет Помпея Великого, а также олицетворения всех тех народов, которые он покорил, с характерными для них атрибутами.

Свидетельство Диона Кассия позволяет представить себе пышную картину похорон основателя новой монархии. Особую ценность оно представляет ввиду того, что отражает изменения, внесенные Августом в аристократический погребальный церемо-

⁸⁵ Tac. Ann., III, 5: circumfusas lecto Claudiorum Iuliorumque imagines. — Дж. Тойнби полагает, что использованное Тацитом выражение склоняет к тому, чтобы считать изображения бюстами, расположенными на похоронном катафалке вокруг погребального ложа: *Toynbee J. M. C. Death and Burial...* London, 1971. P. 48.

⁸⁶ Rowell H. T. The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus // MAAR. Vol. 17. 1940. P. 138.

⁸⁷ С. К. Кузнецов полагал, что гроб и во время выставления в Палатинском дворце (*collocatio*), и во время самой похоронной процессии был закрытым, а само тело покойного, использование которого в процессии было обычным в республиканские времена, замещалось упоминаемым Дионом восковым изображением принцепса (см.: *Кузнецов С. К. Погребальные маски...* С. 35).

⁸⁸ Dio Cass., LVI, 34: αἶ τε τῶν ἄλλων Ῥωμαίων τῶν καὶ καθ' ὅτιοῦν πρωτεύσαντων, ἀπ' αὐτοῦ τοῦ Ῥωμύλου ἀρξάμεναι ἐφέροντο.

ниал: к изображениям своих предков Август добавил изображения знаменитых римских политических деятелей и связал себя этой своеобразной нитью преемственности с самим легендарным основателем Рима⁸⁹. Особенно характерно наличие портрета Помпея в отсутствие изображения Цезаря, что демонстрировало завершение гражданских распрей и несущественность сугубо политических мотивов в подборе персонажей.

Погребальная процессия (*pompa funebris*) не случайно вновь напоминает нам процессию триумфальную (*pompa triumphalis*). Август монополизировал оба этих аристократических атрибута для себя и членов своей семьи и видоизменил их, приспособив к нуждам принципата. Результатом этого стало ограничение традиционных форм репрезентации римской аристократии (в том числе масок предков) пределами частного дома или даже вытеснение их за пределы города. Таким образом, правление Августа оказывается переломным моментом в эволюции римского погребального ритуала⁹⁰.

Светоний сообщает, что Август еще при жизни установил статуи наиболее выдающихся римлян в каждом портике своего форума, объявив эдиктом, что он делает это для того, чтобы и его самого, и всех правителей после него статуи побуждали бы брать пример с этих мужей (Suet. Aug., 31, 5). Раскопки форума Августа предоставили в распоряжение историков дополнительный материал, касающийся этих изображений, в частности подписи к ним (*tituli*) с элогиями (перечислениями наиболее значительных должностей и деяний). Учеными было отмечено сходство в подборе персоналий для статуй легендарных героев республики на форуме Августа и изображений на похоронах принцепса, упоминаемых Дионом Кассием. Таким образом, форум Августа был предназначен не только вызывать в исторической памяти римлян подвиги героев прошлого, но и поставить самого Августа в один ряд с ними⁹¹.

Подбор персоналий для форума и для похорон Августа может трактоваться как часть единого пропагандистского замысла, призванного убедить современников в легитимности нового режима. Персонажи, чьи статуи были установлены на форуме, можно разделить на три основных группы: к первой относились герои республики (Камилл, Аппий Клавдий Цек, Фабий Максим), включая довольно спорные фигуры Мария и Суллы; ко второй — легендарные прародители римского народа (Эней, Альбанские цари, Ромул); наконец, третью группу составляли родственники самого императора, включая тех, кто умер уже во время его правления (Друза Старшего и Марцелла). Это позволяет рассматривать форум Августа не только как публичное место почитания прославивших республику римлян, но и как своеобразный аналог частного императорского атрия, превращенного в публичное городское пространство, где изображения предков принцепса соседствовали с его политическими предшественниками⁹².

⁸⁹ Т. Моммзен полагал, что Дион, описывая похороны Августа, переносил практику своего времени в прошлое, поскольку такое нарушение республиканской традиции казалось ему несовместимым с идейной программой Августа (см.: *Mommsen Th. Römisches Staatsrecht*. Bd. I. Berlin, 1864. S. 443, Anm. 1). На наш взгляд, информация, полученная в результате раскопок на форуме Августа, может служить дополнительным аргументом в пользу достоверности свидетельства Диона (см. ниже).

⁹⁰ *Bodel J. Death on Display...* P. 274.

⁹¹ *Weber W. Princes: Studien Zur Geschichte des Augustus*. Stuttgart, 1936. Bd. I. S. 79, Anm. 350.

⁹² *Rowell H. T. The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus // Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 17. 1940. P. 141.

В последнее время получила распространение точка зрения о том, что погребальный ритуал принцепса, как он описывается Дионом Кассием в случае с похоронами Августа (Dio Cass., LVI, 42), имел особое символическое значение для его обожествления. Дион сообщает, что после произнесения преемником панегирика на форуме, процессия двинулась на Марсово поле, где восковое изображение принцепса было водружено на погребальный костер, а когда он был зажжен, орел взлетел с него и воспарил к небесам. Ряд ученых полагает, что вся эта церемония была призвана символизировать причисление императора к богам⁹³.

С приходом к власти Тиберия проведение пышных похорон членов императорского дома перестало быть обязательным. Первым погребением в императорской семье при Тиберии стали похороны Германика в 20 г. н.э., которые были проведены без каких-либо церемоний и фактически стали катализатором серьезного политического кризиса, с которым столкнулся новый принцепс. В атмосфере, полной слухов и досужих разговоров, в ожидании предстоящего суда на Пизоном, которого обвиняли в отравлении Германика, Тиберий принял решение похоронить прах своего племянника без традиционной пышной процессии в Риме. Мотивом для этого послужила смерть Германика в Сирии и сложности с доставкой его останков в Рим. Впрочем, это явно не являлось основной причиной, так как можно было провести кремацию на месте, доставить пепел покойного в Рим и здесь провести погребальную церемонию. Нежелание Тиберия устраивать племяннику официальные похороны вызвало возмущение среди римского плебса, у которого Германик пользовался огромной популярностью (Tac. Ann., III, 5; Dio Cass., LVII, 18, 6–8).

Однако похороны Друза Младшего говорят о том, что Тиберий не был совершенно чужд публичной погребальной церемонии. На наш взгляд, основным мотивом в случае с Германиком была именно сложная политическая ситуация и нежелание Тиберия провоцировать среди городского населения чересчур эмоциональные проявления, которые могли вылиться в массовые беспорядки, подобно тому, что в свое время произошло на похоронах Цезаря. Однако результат осторожности Тиберия оказался ровно противоположным, так как она и спровоцировала политический кризис. Возможно, именно после этого, с целью смягчить последствия кризиса, Тиберий принял решение о дополнительных посмертных почестях своему племяннику⁹⁴.

С другой стороны, принцепс столкнулся с серьезной оппозицией в рядах сенаторской аристократии, которая опиралась на сохранявшиеся традиции ее публичной репрезентации. Такого рода пример дает история Скрибония Либона Друза, заговор которого против Тиберия был раскрыт еще в 16 г. н.э. (Tac. Ann., II, 27–32), в результате чего Либон был вынужден покончить жизнь самоубийством. Что характерно, Тацит указывает на изображения предков, как на один из мотивов чрезвычайных амбиций Либона. Но еще более показателен тот факт, что уже после гибели

⁹³ Price S. R. F. From Noble Funerals to Divine Cult: The Consecration of the Roman Emperors // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. Cambridge, 1987. P. 56–105; *Heckster O. Honouring Ancestors: Dynamic of Deification // Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire* (Heidelberg, July 5–7, 2007). Vol. 9. Leiden; Boston, 2008. P. 95–110.

⁹⁴ *Weinstock S. The Image and the Chair of Germanicus // JRS*. Vol. 47. 1957. P. 144–154; *González J. Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum // ZPE*. Bd. 55. 1984. P. 55–100; *Князев П. А. Tabula Siarensis и два акта сената памяти Германика Цезаря (историческое сопоставление и перевод) // Исседон*. Т. 3. 2005. С. 139–171.

ли заговорщика и вынесения ему обвинительного приговора в сенате Котта Мессалин предложил исключить изображение Либона во время похоронных шествий его потомков (Тас. Ann., II, 32). Запрет такого рода был не единичным и применялся к различным неугодным политическим фигурам, в частности к Гн. Кальпурнию Пизону, согласно знаменитому постановлению сената о Гн. Пизоне отце (Sen. Cons. de Cn. Pisone patre, 80–82)⁹⁵.

Настоящим вызовом, брошенным Тиберию, стали пышные похороны сестры Брута и жены Кассия, Юнии, в 22 г. н.э. Тацит сообщает о том, что уже своим завещанием Юния оскорбила принцепса, упомянув в качестве наследников всех наиболее знатных граждан кроме него. Во время погребальной процессии Юнии несли изображения представителей двадцати знатнейших родов, но более всего привлекало внимание отсутствие изображений убийц Цезаря (Тас. Ann., III, 76)⁹⁶. В то же время вполне вероятно, что изображение первого консула и основателя республики, с которым часто сравнивали Брута при жизни, могло быть использовано на похоронах Юнии, чтобы напомнить римлянам о ее собственном брате⁹⁷.

Возможно, именно в связи с этим, когда год спустя после похорон Юнии умер собственный сын Тиберия Друз, принцепс провел торжественные похороны в традициях Августовских погребений. Тацит пишет: «На похоронах с использованием изображений особо выдающихся предков можно было увидеть прародителя рода Юлиев Энея и всех Альбанских царей и основателя города Ромула, затем Сабинскую знать, Атта Клавза и изображения прочих Клавдиев»⁹⁸. Это показывает, что отношение Тиберия к погребальным процессиям членов императорского дома не было однозначным, а разлад в императорской семье отразился и на погребальной практике. Об этом говорят похороны Ливии, состоявшиеся в 29 г. н.э., о которых Тацит специально замечает, что они были скромными (Тас. Ann., V, 1, 4).

Как было замечено, после похорон Друза Младшего свидетельств об использовании изображений предков на похоронах становится все меньше. Некоторые исследователи даже сделали вывод о том, что сама практика их использования в погребальной церемонии стала выходить из употребления⁹⁹. На наш взгляд, для такого предположения нет оснований, тем более что отдельные свидетельства все же встречаются. Светоний сообщает, что Калигула провел пышные похороны самого Тиберия¹⁰⁰, а также устроил целый спектакль с перезахоронением праха своей матери Агриппины в мав-

⁹⁵ Potter D. S., Damon C. "Senatus Consultum de Cn. Pisone patre": Text, Translation, Discussion // *AJPh*. Vol. 120. No. 1. Special Issue. 1999. P. 26.

⁹⁶ Хранение изображений Брута или Кассия не было формально запрещено, но могло быть под запретом их использование на публичных похоронах. Имеется свидетельство о том, что при Августе изображение Брута хранилось в доме Луция Сестия, несмотря на это ставшего консулом (Dio Cass., LIII, 32, 4). Вместе с тем Тиберий боролся с памятью о «последних республиканцах», о чем говорит обвинение Кремуция Корда в 25 г. н.э. за выраженную в его анналах похвалу в адрес Брута и Кассия (Тас. Ann., IV, 34).

⁹⁷ Flower H. I. *Ancestor Masks...* P. 253.

⁹⁸ Тас. Ann., IV, 9, 2: *funus imaginum pompa maxime inlustre fuit, cum origo Iuliae gentis Aeneas omnesque Albanorum reges et conditor urbis Romulus, post Sabina nobilitas, Attus Clausus ceteraque Claudiorum effigies longo ordine spectarentur.*

⁹⁹ Zadoks-Josephus Jitta A. N. *Ancestral Portraiture...* P. 30.

¹⁰⁰ Правда, как сообщает Дион Кассий, в своем панегирике Калигула в больше степени обращался к памяти Августа и Германика, чем своего предшественника (Dio Cass., LIX, 3, 8).

золее Августа, причем ее изображение везли в процессии на особой колеснице (Suet. Cal., 15, 1).

Погребение того или иного члена правящего дома оставалось чрезвычайно важным политическим событием в жизни Империи. Не случайно, когда был убит Британик, Нерон назначил ему так называемый *funus acerbum* («немедленные похороны»), которые проводились без предварительной публичной демонстрации тела и торжественной процессии. Дион Кассий рассказывает по этому поводу, что лицо Британика было покрыто гипсом, а когда его тело перед сожжением было выставлено на форуме, гипс смыло проливным дождем и наружу выглянуло багровое лицо покойника, которое демонстрировало следы отравления (Dio Cass., LXI, 7, 4).

Пожар 64 г. н.э. уничтожил значительную часть старых аристократических резиденций, включая хранившиеся в них трофеи и изображения предков (Suet. Nero, 38, 2). С гибелью Нерона и началом гражданской войны изображения предков на короткое время вновь обрели свое значение в борьбе за власть. Хотя маски предков и не вышли из употребления, они постепенно теряли свое семейное значение, все более обретая чисто пропагандистский смысл на похоронах очередного принцепса.

С приходом к власти Флавиев в ритуале императорских похорон, по-видимому, произошли серьезные изменения. Дело в том, что новая династия не обладала знатными предками, а кроме того, ввиду очевидного разрыва с предыдущей эпохой, не могла демонстрировать во время похорон изображения Калигулы или Нерона. Возможно, именно поэтому похороны первого представителя новой династии демонстрируют обращение к другой республиканской традиции, которая уже была упомянута нами в связи с погребением Л. Эмилия Павла и Цезаря: использования актера в маске для изображения покойного.

Светоний сообщает, что на похоронах Веспасиана главный мим Фавор, «выступая, по обычаю, в маске и изображая слова и дела покойника, во всеуслышание спросил чиновников, во сколько обошлось погребальное шествие. И услышав, что в десять миллионов сестерциев, воскликнул: “Дайте мне десять тысяч и бросайте меня хоть в Тибр!”»¹⁰¹. Характерно, что для обозначения использованной Фавором маски здесь использовано слово *persona* — обычный термин для римской театральной маски. В историографии было высказано предположение, что данное свидетельство отражает дальнейшее развитие функции мима в погребальной процессии: от молчаливого перевоплощения во времена республики к настоящему театральному действию в период принципата¹⁰².

Как бы там ни было, если предположить, что план похорон составлялся заранее, нет ничего удивительного в том, что Веспасиан, принимая во внимания известные черты его характера и присущее ему чувство юмора, в отсутствие знаменитых предков, изображения которых он мог бы с гордостью продемонстрировать во время своих похорон, решил превратить собственное погребение в своеобразное комическое действие. Одновременно шутки над покойником на похоронах могли быть отражением более общей традиции ритуального шутовства, характерной, как известно, в том числе и для церемонии триумфа.

¹⁰¹ Suet. Vesp., 19, 2: Sed et in funere Favor archimimus personam eius ferens imitansque, ut est mos, facta ac dicta vivi, interrogatis palam procuratoribus, quanti funus et pompa constaret, ut audiit, sestertio centiens, exclamavit, centum sibi sestertia darent, ac se vel in Tiberim proicerent.

¹⁰² Sumi G. S. Impersonating the dead... P. 572.

В источниках по II в. н.э. изображения предков не появляются при описании похорон императоров, но при этом изображение самого императора, чаще всего сделанное из воска (похороны Пертинакса — Dio Cass., LXXXIV, 4, 2), играет очень важную роль: например, по приказу Адриана, изображение Траяна на его похоронах везли в триумфальной колеснице как символ того, что «лучший принцепс и после смерти не лишился чего-либо из достоинства триумфа»¹⁰³. В последний раз в эпоху принципата изображение принцепса встречается в известии Геродиана о похоронах Септимия Севера. Автор сообщает, что прах императора был доставлен Гетой и Каракаллой из Британии в Рим, после чего еще семь дней выставлялся вместе с восковым изображением принцепса до проведения похорон (Herod., IV, 2, 2).

Очевидно, со времен Августа ключевое место в погребальной церемонии начинает занимать изображение императора, а не его предков. Однако если Август и его преемники из династии Юлиев-Клавдиев еще могли украшать свои похороны торжественным парадом знаменитых предков и героев республики, то для последующих династий в этом уже не было ни реальных оснований, ни особой необходимости. С укреплением императорской власти изображения предков, по всей видимости, постепенно исчезают из ритуала похорон императора. Разумеется, они могли продолжать сохраняться в атриях знатных родов и даже иногда появляться на похоронах аристократов, о чем говорит свидетельство Аппиана (App. Iber., 89), однако они окончательно потеряли какое бы то ни было общественное значение.

В заключение необходимо подвести некоторые итоги данного обзора. Во-первых, мы полагаем, что маски предков происходят от древнего патрицианского обычая почитать изображения предков, который, по-видимому, восходит к весьма раннему времени, по крайней мере, к V в. до н.э. По нашему мнению, греческие и этрусские влияния отражались лишь на технике изготовления изображений. В частности, если поначалу римлянами могли употребляться терракотовые *imagines*, подобные некоторым этруским находкам, то со второй половины IV в. до н.э. в Риме начинает утверждаться греческая техника изготовления посмертных восковых масок с помощью гипсовых слепков. Одновременно окончание сословной борьбы и образование нобилитета сыграло важную роль в формировании особого публичного аристократического погребального ритуала в Риме, составной частью которого были маски предков.

Во-вторых, мы попытались показать, что под *imagines maiorum* нужно понимать не только восковые маски, использовавшиеся во время погребальных процессий, но и восковые бюсты (или головы), известные по иконографии некоторых археологических памятников, которые выставлялись в атриумах домов аристократических родов и употреблялись для домашнего почитания. Вполне возможно, что два обозначенных типа изображений долгое время сосуществовали и применялись в соответствующих контекстах.

Наконец, являясь первоначально, главным образом, объектами культового почитания, маски предков со временем обретали все более значимое общественно-политическое значение. Власть римской знати (нобилитета) во многом опиралась на представление о преемственном сохранении добродетелей (наиболее важной из которых была доблесть) в ее рядах. Зримым выражением подобных представлений являлись восковые маски предков (*imagines maiorum*), надевавшиеся во время погребаль-

¹⁰³ SHA. Had.: atque imaginem Traiani curru triumphali vexit, ut optimus imperator ne post mortem quidem triumphum amitteret dignitatem.

шествия специальными актерами, изображавшими знаменитых предков покойного. Последняя традиция, по всей видимости, получила особое развитие лишь во II в. до н.э., что могло быть связано с появлением и развитием римского театра и театральной маски.

Традиции, связанные с масками предков, получили особое значение в эпоху гражданских войн, когда они стали активно использоваться не только в саморекламе и предвыборной агитации, но и в самой настоящей политической пропаганде. Последнее особым образом связано с фигурой Гая Юлия Цезаря, похороны которого описываются как настоящая политическая манифестация, которая спровоцировала вспышку народного гнева, полностью изменившая расстановку сил в столице.

Август придавал особое значение изображениям предков и «предшественников» в пропаганде нового режима. Используя их в самых разных контекстах, он медленно, но верно вытеснял аристократические маски предков из публичного пространства Рима, что привело к постепенному отмиранию этой традиции, констатированному впоследствии Плинием Старшим. Наследники Августа также иногда прибегали к древней традиции, но с приходом династии Флавиев похороны императора окончательно сконцентрировались на его собственной фигуре.

В завершение следует указать на близость используемой при погребении маски и маски театральной, которая прослеживается в источниках. Если в эпоху ранней республики маска, используемая при погребении, еще могла нести определенный ритуальный и магический смысл для присутствующих, то со II в. до н.э., по-видимому, она превращается в специфически-римский атрибут театрализованного действия, включенного в погребальный ритуал. Прослеживаемые параллели с другим значимым для римлян ритуалом (триумфом) позволяют утверждать об особом значении визуальных форм проявления римской культуры, в которых маска занимала важное место.

Информация о статье

ББК 94(38); УДК 8.94.

Автор: Васильев, Андрей Владимирович — кандидат исторических наук, учитель истории, Санкт-Петербургская классическая гимназия № 610; Российская Федерация, 197198 г. Санкт-Петербург, Малый пр. Петроградской Стороны, д. 9/6; ander-vaas@yandex.ru.

Название: Маски предков (*imagines maiorum*) в общественной жизни римлян в период республики и ранней империи

Аннотация: Маски предков (*imagines maiorum*) играли важную роль в публичной репрезентации римской аристократии в эпоху республики. Анализируя дошедшие письменные свидетельства и сопоставляя их с археологическим материалом, автор приходит к выводу о существовании двух различных форм *imagines*: масок, использовавшихся во время погребальной процессии, и восковых изображений (бюстов), хранившихся в домах римских аристократических родов. Кроме того, в статье исследуется происхождение традиции почитания изображений предков. Ее истоки автор обнаруживает в V в. до н.э., к которому относятся первые упоминания на появление традиции почитания изображений предков и аристократического погребального ритуала. В то же время важную роль в разработке различных типов изображений, по всей видимости, оказали этрусское и греческое влияния. Во второй половине IV в. до н.э. с образованием нобилитета патрицианская традиция изображений предков распространилась на плебейскую часть новой аристократии. Также по всей вероятности именно в это время из Греции была заимствована техника снятия посмертных гипсовых масок. Особое внимание в статье уделено социально-политической функции масок предков в эпоху классической ре-

спублики (III–II вв. до н.э.). Разбирая ряд свидетельств античных историков, автор приходит к выводу о том, что помимо ритуального назначения, изображения предков являлись одним из существенных инструментов влияния на массы и предвыборной агитации в римской республике. Наконец, эта традиционная форма обоснования права на особое положение в обществе оказалась востребованной и в эпоху принципата. В статье прослеживается также роль демонстрации масок предков в погребальных церемониях принцев из династии Юлиев-Клавдиев и их родственников на основании имеющихся письменных свидетельств античных авторов. В заключительной части статьи автор приходит к выводу о постепенном вытеснении масок предков принцеса из императорского погребального ритуала другими формами изображений. В итоге с приходом к власти династии Флавиев, лишенной семейственной аристократической традиции, он оказался невостребованным, а главное место в погребальной церемонии заняло изображение самого покойного императора.

Ключевые слова: римская республика, маски предков, аристократия, погребальный ритуал, принципат, пропаганда.

Литература, использованная в статье

- Бобровникова, Татьяна Андреевна.* Судебные процессы Сципионов: опыт исторической реконструкции // *Jus antiquum*. 2001. № 1 (8). С. 66–74.
- Воцинина, Александра Ильинична.* Очерк истории древнеримского искусства. Л.: Тип. Упр. полигр. изд-в Ленгорисполкома, 1947. 83 с., xlii табл.
- Квашин, Владимир Александрович.* Государственная и правовая деятельность Марка Порция Катона Старшего. Вологда: Русь, 2004. 139 с.
- Князев, Павел Андреевич.* Tabula Siarensis и два акта сената памяти Германика Цезаря (историческое сопоставление и перевод) // *Исседон*. Т. 3. 2005. С. 139–171.
- Кузнецов, Степан Кирович.* Погребальные маски, их употребление и значение. Казань: Тип. Имп. Ун-та, 1906. 44 с.
- Сергеевко, Мария Ефимовна.* Жизнь древнего Рима: очерки быта. СПб.: Издательско-торговый дом «Легкий сад», 2002. 416 с., илл.
- Смирин, Виктор Моисеевич.* Римская республика III–II вв. // *История Европы: в 8 т. Т. I. Древняя Европа*. М.: Наука, 1988. С. 446–491.
- Штаерман, Елена Михайловна.* От гражданина к подданному // *Культура Древнего Рима: в 2 т. Т. I*. М.: Наука, 1985. С. 22–105.
- Altmann, Walter.* Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit. Berlin: Weidmann, 1905. 306 S., Figs., 2 Taf.
- Bandelli, G.* Il processo dell'Asiatico // *Index*. Vol. 4. 1974–1975. P. 93–126.
- Benndorf, Otto.* Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien: Gerold, 1878. 77 S., 12 Figs., 17 Taf.
- Bodel, John.* Death on Display: Looking at Roman Funerals // *The Art of Ancient Spectacle / Ed. by V. A. Bergmann and Ch. Kondoleon*. Washington: National Gallery of Art, 1999. P. 259–280.
- Broughton, Thomas Robert Shannon; Patterson, Marcia L.* Magistrates of the Roman Republic. Vol. II. New York: American Philological Association, 1951–1952. viii, 639 p.
- Coarelli, Filippo.* Il sepolcro degli Scipioni // *Documenti di archeologia*. Op. VI. 1972. P. 36–106.
- Dennis, George.* Die Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1973. (xix), xxviii, lxii, S. 744, ill. Mit 106 Abbildungen, 3 Landschaften, 9 Plänen, 18 Inschriften und einer Karte.
- Drerup, Heinrich.* Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung*. Bd. 87. 1980. S. 81–129.
- Favro, Diane; Johanson, Christopher.* Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum // *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 69. № 1. 2010. P. 12–37.
- Flower, Harriet I.* Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford: Oxford University Press, 1996. 415 p.
- González, Julián.* Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum // *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*. 1984. Bd. 55. P. 55–100.

- Gross, Walter Hatto.* Clipeata imago und ἑκκλῶν ἔνοπλος // Festschrift für Konrat Ziegler zum 70. Geburtstag: Convivium — Beiträge zur Altertumswissenschaft. Stuttgart: A. Druckermüller, 1954. S. 66–84.
- Gruen, Erich S.* Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1992. xiii, 347 p., 15 pls.
- Heckster, Olivier.* Honouring Ancestors: Dynamic of Deification // Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire (Heidelberg, July 5–7, 2007). Vol. 9. Leiden — Boston: Brill, 2008. P. 95–110.
- Hölkeskamp, Karl-Joachim.* Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas // *Historia*. Bd. 42. 1993. P. 12–39.
- Hölkeskamp, Karl-Joachim.* Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der römischen Republik im 4. Jhd. v. Chr. Stuttgart: F. Steiner Verlag, 1987. 303 p.
- Hölkeskamp, Karl-Joachim.* The Roman Republic as Theatre of Power: The Consuls as Leading Actors // Consuls and the Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic / Ed. by H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 161–181.
- Hopkins, Keith.* Death and Renewal. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. xxiii, 276 p.
- Humm, Michel.* Appius Claudius Caecus: La République accomplie. Rome: École Française de Rome, 2005. x, 779 S.: ill., Kt.
- Kaschnitz-Weinberg, Guido.* Studien zur etruskischen und frühromischen Porträtkunst // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Bd. 41. 1926. S. 133–211.
- Lahusen, Götz.* Statuae et Imagines // Praestant Interna. Festschrift für Ulrich Hausmann / Hrsg. von B. von Freytag gen. Löhringhoff, D. Mansperger, F. Prayon. Tübingen: E. Wasmuth, 1982. S. 101–109.
- Maiuri, Amedeo.* La casa del Menandro e il suo Tesoro di argenteria. Roma: Libreria dello Stato, 1933. xi, 508 p., pl. LXV.
- Massa-Pairault, Françoise-Hélène.* Iconologia e politica nell'Italia antica: Roma, Lazio, Etruria dal VII al I Secolo a.C. Milano: Longanesi, 1992. 259 p.: ill.
- Meyer, Herbert.* Imagines Maiorum // RE. Bd. VIII. Hbhd. 17. Stuttgart, 1914. Sp. 1097–1104.
- Momigliano, Arnaldo.* The Origins of Rome // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 52–112.
- Mommsen, Theodor.* Römische Forschungen. Bd. I. Berlin: Weidmann, 1864. iv, 410 S.
- Mommsen, Theodor.* Römisches Staatsrecht. 3te Aufl. Bd. I. Leipzig: Verlag von S. Hirzel, 1887 (Handbuch der Römischen Alterthümer von J. Marquardt und Th. Mommsen). xxvi, 708 S.
- Pina Polo, Francesco.* Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History // *Formae Mortis: El Tránsito De La Vida a La Muerte en Las Sociedades Antiguas*. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2009. P. 89–100.
- Pollini, John.* Ritualizing Death in Republican Rome: Memory, Religion, Class Struggle, and the Wax Ancestral Mask Tradition's Origin and Influence on Veristic Portraiture // *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2007. P. 237–285.
- Potter, David S.; Damon, Cynthia.* "Senatus Consultum de Cn. Pisone patre": Text, Translation, Discussion // *American Journal of Philology*. Vol. 120, 1. 1999. P. 13–42.
- Price, Simon R. F.* From Noble Funerals to Divine Cult: the Consecration of the Roman Emperors // *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies* / Ed. by D. Cannadine and S. Price. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 56–105
- Rowell, Henry T.* The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus // *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 17. 1940. P. 131–143.
- Rüpke, Jörg.* Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic // *Numen*. Vol. 53. Fasc. 3. 2006. P. 251–289.
- Stark H.* Über die Ahnenbilder des Appius Claudius im Tempel der Bellona // *Verhandlungen der 31. Philologenversammlung im Tübingen*. Leipzig: Verlag von B. G. Teubner, 1877. S. 38–50.
- Sumi, Geoffrey S.* Impersonating the Dead: Mimes at Roman Funerals // *American Journal of Philology*. Vol. 123. № 4. 2002. P. 559–585.

- Toynbee, Jocelyn M. C. *Death and Burial in the Roman World*. London: Thames and Hudson, 1971. 336 p.
- Torelli, Mario. *Archaic Rome between Latium and Etruria // Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 30–51.
- Vessberg, Olof. *Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik*. Leipzig: O. Harrassowitz, 1941. 304 S., Figs., 4 Taf.
- Weber, Wilhelm. *Priniceps: Studien Zur Geschichte Des Augustus*. Stuttgart: Kohlhammer, 1936. Bd. I. vii, 240 S.
- Weinstock, Stefan. *The Image and the Chair of Germanicus // Journal of Roman Studies*. Vol. 47. 1957. P. 144–154.
- Wiseman, Peter T. *Clio's cosmetics: three studies in Greco-Roman literature*. Leicester: Leicester University Press, 1979. xi, 209 p., 3 pl.
- Zadoks-Josephus Jitta, Annie N. *Ancestral Portraiture in Rome*. Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche uitgevers Mij., 1932. xi, 119 p., xxii pl.

Information about the article

Author: Vasilyev, Andrey Vladimirovich — candidate of history, teacher of history, the Classicak Gymnasium of St.-Petersburg, School 610; 9/6 Malyi pr. Petrogradskoy Storony, 197198, St. Petersburg, Russian Federation; ander-vaas@yandex.ru.

Title: Ancestral masks (*imagines maiorum*) in the public life of the Romans during the Republic and early Empire.

Summary: Ancestor masks (*imagines maiorum*) played an important role in public representation of the Roman aristocracy in republican epoch. While analyzing the extant written evidence and comparing it with archeological material the author has gathered that there were two different forms of *imagines*: those used during funeral processions and the cereous images (busts) preserved in Roman aristocrats' houses. Moreover the paper explores the origin of the tradition of ancestor images honouring. The author discovers its beginnings in the 5th century BC when appeared the first mentions of the tradition of ancestor images honouring. At the same time the Etruscan and Greek influence obviously played an important role in elaborating different types of images. In the second half of the 4th century BC, when the nobility emerged, the patrician tradition of ancestor images spread to plebeian part of the new aristocracy. Also it is most likely that just at that time the technique of posthumous masks making was borrowed from Greece. In the paper special attention is given to socio-political role of ancestor masks during the period of classical Republic (3rd–2nd centuries BC). Studying some evidences of ancient historians the author has come to a conclusion that apart from ritual meaning ancestor images were one of the essential instruments of influencing the masses and election campaigns in the Roman republic. Finally, this traditional form of justification of the proper right to have special position in the society came back in favor also at the time of the principate. The role of ancestor masks demonstration during the funeral ceremonies of principes from the Julio-Claudian dynasty and their kin is traced in the paper on the basis of the extant written evidence of the ancient authors. In the final part of the article the author comes to a conclusion that ancestor masks of the principes were gradually replaced from emperor's funeral rite by other forms of images. As a result with the Flavian dynasty came into power this tradition got left, while the image of the dead emperor took the main place in the emperor's funeral rite.

Keywords: ancestral masks, aristocracy, funeral ritual, Roman republic, Principate, propaganda.

References

- Altmann, Walter. *Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit [The Roman grave altars of the Empire]*. Berlin: Weidmann, 1905. 306 p., ill., 2 pl. (in German).
- Bandelli, G. Il processo dell'Asiatico, in *Index*. Vol. 4. 1974–1975. P. 93–126 (in Italian).
- Benndorf, Otto. *Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken [Ancient face helmets and sepulchral masks]*. Vienna: Gerold, 1878. 77 p., 12 ill., 17 pl. (in German).

- Bobrovnikova, Tatyana Andreevna. Sudebnye protsessy Stsipionov: opyt istoricheskoy rekonstruktsii [The Trials of Scipiones: an Experience of Historical Reconstruction] in *Jus antiquum*. 2001. No. 1 (8). P. 66–74 (in Russian).
- Bodel, John. Death on Display: Looking at Roman Funerals, in *The Art of Ancient Spectacle*. B. A. Bergmann, Ch. Kondoleon (eds.). Washington: National Gallery of Art, 1999. P. 259–280.
- Broughton, Thomas Robert Shannon; Patterson, Marcia L. *Magistrates of the Roman Republic*. Vol. II. New York: American Philological Association, 1951–1952. viii, 639 p.
- Coarelli, Filippo. Il sepolcro degli Scipioni [Grave of the Scipios], in *Documenti di archeologia [Documets of Archaeology]*. Iss. VI. 1972. P. 36–106. (in Italian).
- Dennis, George. *Die Städte und Begräbnisplätze Etruriens [The cities and burial grounds of Etruria]*. Darmstadt: Scientific Book Society, 1973. (xix), xxviii, lxii, 744 p., with 106 ill., 3 landscapes, 9 plans, 18 inscriptions and one map. (in German).
- Drerup, Heinrich. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern [Death masks and ancestor portraits of Romans], in *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung [Transactions of German Archaeological Institute. Roman section]*. Vol. 87. 1980. P. 81–129. (in German).
- Favro, Diane; Johanson, Christopher. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum, in *Journal of the Society of Architectural Historians*. Vol. 69. № 1. 2010. P. 12–37.
- Flower, Harriet I. *Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture*. Oxford: Oxford University Press, 1996. 415 p.
- González, Julián. Tabula Siarensis, fortunales Siarensis et municipia civium romanorum [Tabula Siarensis, fortunales Siarensis and municipia of Roman citizens], in *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik [Journal of papyrology and epigraphy]*. 1984. Vol. 55. P. 55–100.
- Gross, Walter Hatto. Clipeata imago und ἐκὼν ἔνοπλος [Clipeata imago and ἐκὼν ἔνοπλος], in *Festschrift für Konrat Ziegler zum 70. Geburtstag: Convivium — Beiträge zur Altertumswissenschaft [Anniversary collection for Konrat Ziegler 70th birthday: Convivium — contributions to classical studies]*. Stuttgart: A. Druckemüller Publ., 1954. P. 66–84. (in German).
- Gruen, Erich S. *Culture and National Identity in Republican Rome*. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1992. xiii, 347 p., 15 pls.
- Heckster, Olivier. Honouring Ancestors: Dynamic of Deification, in *Ritual Dynamics and Religious Change in the Roman Empire: Proceedings of the Eighth Workshop of the International Network Impact of Empire* (Heidelberg, July 5–7, 2007). Vol. 9. Leiden; Boston: Brill, 2008. P. 95–110.
- Hölkeskamp, Karl-Joachim. Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas, in *Historia*. Vol. 42. 1993. P. 12–39.
- Hölkeskamp, Karl-Joachim. *Die Entstehung der Nobilität: Studien zur sozialen und politischen Geschichte der römischen Republik im 4. Jhd. v. Chr. [The formation of the nobility: studies on social and political history of the Roman Republic in the 4th century B.C.]*. Stuttgart: F. Steiner Publ., 1987. 303 p. (in German).
- Hölkeskamp, Karl-Joachim. The Roman Republic as Theatre of Power: The Consuls as Leading Actors, in *Consuls and the Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic*. H. Beck, A. Duplá, M. Jehne, F. Pina Pola (eds.). Cambridge: Cambridge University Press, 2011. P. 161–181.
- Hopkins, Keith. *Death and Renewal*. Cambridge: Cambridge University Press, 1983. xxiii, 276 p.
- Humm, Michel. *Appius Claudius Caecus: La République accomplie [Appius Claudius Caecus: the Republic accomplished]*. Rome: French School in Rome, 2005. x, 779 p.: ill., maps. (in French).
- Kaschnitz-Weinberg, Guido. Studien zur etruskischen und frühromischen Porträtkunst [Studies on Etruscan and early Roman portraiture], in *Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung [Transactions of German Archaeological Institute. Roman section]*. Vol. 41. 1926. P. 133–211. (in German).
- Knyazev, Pavel Andreevich. Tabula Siarensis i dva akta senata pamiati Germanika Tsezaria (istoricheskoe sopostavlenie i perevod) [Tabula Siarensis and two acts in memory of Germanicus Caesar (historical juxtaposition and translation)], in *Issedon*. Vol. 3. 2005. P. 139–171. (in Russian).

- Kuznetsov, Stepan Kirovich. *Pogrebal'nye maski, ikh upotreblenie i znachenie* [Sepulchral masks, their use and significance]. Kazan: Print. Off. of Imperial University, 1906. 44 p. (in Russian).
- Kvashnin, Vladimir Aleksandrovich. *Gosudarstvennaya I pravovaya deyatel'nost' Marka Portsiya Katona Starshego* [State and Legal Activities of Cato the Elder]. Vologda: Rus', 2004. 139 p. (in Russian).
- Lahusen, Götz. Statuae et Imagines, in *Praestant Interna*. Festschrift für Ulrich Hausmann [Praestant Interna. Anniversary collection for Ulrich Hausmann]. B. von Freytag gen. Löhringhoff, D. Mansperger, F. Prayon (eds.). Tübingen: E. Wasmuth Publ., 1982. P. 101–109. (in German).
- Maiuri, Amedeo. *La casa del Menandro e il suo Tesoro di argenteria* [The house of Menander and his treasury of silverware]. Rome: State Bookshop, 1933. xi, 508 p., pl. LXV. (in Italian).
- Massa-Pairault, Françoise-Hélène. *Iconologia e politica nell'Italia antica: Roma, Lazio, Etruria dal VII al I Secolo a.C.* [Iconology and politics in ancient Rome, Lazio, Etruria from the seventh to the first century BC]. Milan: Longanesi, 1992. 259 p.: ill. (in Italian).
- Meyer, Herbert. Imagines Maiorum, in *Realencyclopädie der classischen Altertumswissenschaft* [Encyclopedia of Classical Scholarship]. Vol. VIII. Hvol. 17. Stuttgart, 1914. Cols. 1097–1104. (in German).
- Momigliano, Arnaldo. The Origins of Rome, in *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 52–112.
- Mommsen, Theodor. *Römische Forschungen* [Roman studies]. Vol. I. Berlin: Weidmann, 1864. iv, 410 p. (in German).
- Mommsen, Theodor. *Römisches Staatsrecht* [Roman state law]. 3rd ed. Vol. I. Leipzig: S. Hirzel Publ., 1887 (Handbook of Roman antiquities of J. Marquardt and Th. Mommsen). xxvi, 708 p. (in German).
- Pina Polo, Francesco. Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History, in *Formae Mortis: El Tránsito De La Vida a La Muerte en Las Sociedades Antiguas* [Formae Mortis: transition from life to death in ancient societies]. Barcelona: Universitat de Barcelona, 2009. P. 89–100.
- Pollini, John. Ritualizing Death in Republican Rome: Memory, Religion, Class Struggle, and the Wax Ancestral Mask Tradition's Origin and Influence on Veristic Portraiture, in *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago, 2007. P. 237–285.
- Potter, David S.; Damon, Cynthia. "Senatus Consultum de Cn. Pisone patre": Text, Translation, Discussion, in *American Journal of Philology*. Vol. 120,1. 1999. P. 13–42.
- Price, Simon R. F. From Noble Funerals to Divine Cult: the Consecration of the Roman Emperors, in *Rituals of Royalty: Power and Ceremonial in Traditional Societies*. D. Cannadine and S. Price (eds). Cambridge: Cambridge University Press, 1987. P. 56–105.
- Rowell, Henry T. The Forum and the Funeral "Imagines" of Augustus, in *Memoirs of the American Academy in Rome*. Vol. 17. 1940. P. 131–143.
- Rüpke, Jörg. Triumphator and Ancestor Rituals between Symbolic Anthropology and Magic, in *Numen*. Vol. 53. Fasc. 3. 2006. P. 251–289.
- Stark H. Über die Ahnenbilder des Appius Claudius im Tempel der Bellona [About ancestor portraits of Appius Claudius in the temple of Bellona], in *Verhandlungen der 31. Philologenversammlung im Tübingen* [Negotiations of the 31st Assembly of Philologists in Tübingen]. Leipzig: B. G. Teubner Publ., 1877. P. 38–50. (in German).
- Sergeenko, Maria Efimovna. *Zhish' Drevnego Rima: Ocherki byta* [Life of ancient Rome: outline of private life]. St. Petersburg.: Letniy Sad Publ., 2002. 416 p., ill. (in Russian).
- Shtaerman, Elena Mihaiylovna. Ot grazhdanina k poddanomu [From citizen to subject], in *Kultura Drevnego Rima: v 2 t.* [Culture of Ancient Rome: in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1985. P. 22–105. (in Russian).
- Smirin, Viktor Moiseevich. Rimskaya respublika III–I vv. [Roman republic of III–I centuries], in *Istoria Evropy: v 8 t.* [History of Europe: in 8 vols.]. Vol. 1. Moscow: Nauka Publ., 1988. P. 446–492. (in Russian)

- Sumi, Geoffrey S. Impersonating the Dead: Mimes at Roman Funerals, in *American Journal of Philology*. Vol. 123,4. 2002. P. 559–585.
- Toynbee, Jocelyn M. C. *Death and Burial in the Roman World*. London: Thames and Hudson, 1971. 336 p.
- Torelli, Mario. Archaic Rome between Latium and Etruria, in *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Pt. 2. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 30–51.
- Vessberg, Olof. *Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik* [*Studies on art history of the Roman Republic*]. Leipzig: O. Harrassowitz Publ., 1941. 304 p., ill., 4 pl. (in German).
- Voschinina, Aleksandra Il' inichna. *Ocherk istorii drevnerimskogo iskusstva* [*Outline of the history of ancient Roman art*]. Leningrad: Print. House of the Adm. of polygr. publ. of Lengorispolkom, 1947. 83 p., xlii pl. (in Russian).
- Weber, Wilhelm. *Princeps: Studien Zur Geschichte Des Augustus* [*Princeps: studies on the history of Augustus*]. Stuttgart: Kohlhammer Publ., 1936. Vol. I. vii, 240 p. (in German).
- Weinstock, Stefan. The Image and the Chair of Germanicus, in *Journal of Roman Studies*. Vol. 47. 1957. P. 144–154.
- Wiseman, Peter T. *Clio's cosmetics: three studies in Greco-Roman literature*. Leicester: Leicester University Press, 1979. xi, 209 p., 3 pl.
- Zadoks-Josephus Jitta, Annie N. *Ancestral Portraiture in Rome*. Amsterdam: N. V. Noord-Hollandsche iutgevers Mij., 1932. xi, 119 p., xxii pl.